

Как фельдмаршал Суворов и математик Эйлер пострадали от венгерского восстания | Comment le maréchal Souvorov et le mathématicien Euler ont été les victimes de la revolte hongroise

Auteur: Иван Грезин, [Берн](#) , 24.10.2016.

(dr)

60 лет назад швейцарско-советские отношения омрачились из-за исторического момента, известного как «венгерские события». Вернемся в прошлое и взглянем на то, что произошло, сквозь швейцарскую призму.

|

Il y 60 ans les relations entre la Suisse et l'URSS ont été affectées à cause des événements en Hongrie. Retournons au passé et considérons ce qui s'est produit à traverses yeux de la Suisse.

Comment le maréchal Souvorov et le mathématicien Euler ont été les victimes de la revolte hongroise

Шестьдесят лет назад, в октябре-ноябре 1956 года, в центре Европы пролилось много крови. Жестокость всех участников конфликта в Венгрии поразила мир. Танки в мирное время посреди европейской столицы, разрушенные дома, застреленные и повешенные прямо на улицах политические противники – все это не сходило со страниц газет и журналов, обсуждалось в парламентах, об этом кричали на митингах.

В Швейцарии, как и, в принципе, повсюду по западную сторону железного занавеса, виновник и враг был очевидным – Советский Союз. При этом в Швейцарии венгерская трагедия была воспринята особенно остро, а потому на рубеже 1956–1957 годов возмущение ее жителей выплеснулось на всё, мало-мальски связанное с исторической Россией и Советским Союзом. Вопрос разрыва дипломатических отношений – уже второй раз! – стоял на повестке дня.

А ведь как хорошо начинался 1956 год! Двусторонние отношения расцветали, для дипломатических это был год десятилетия их восстановления (если считать миссию Я. А. Берзина 1918 г. за полноправное дипломатическое представительство). В марте 56-го, по поводу юбилея, главы внешнеполитических ведомств В. М. Молотов и Макс Петипьер (примечательно, что оба находились на тех же постах десятью годами раньше) обменялись приветственными телеграммами.

Однако с конца октября все начало рушиться. Несколькими месяцами позже, 20 марта 1957 года, Федеральному политическому департаменту даже пришлось составлять секретную докладную записку с перечислением важнейших проявлений кризиса в двусторонних отношениях. В ней, в частности, говорилось, что «с начала событий в Венгрии швейцарский народ выражал различными способами своё неприятие, а иногда даже и враждебность по отношению к СССР». Заявления кантональных правительств, политических партий и общественных организаций, статьи в прессе дополнялись письмами простых возмущенных граждан.

В разных городах страны проходили массовые демонстрации. В Берне 5 ноября толпа ринулась к советскому посольству, и полиции стоило огромных усилий защитить здание. В Женеве беспорядки прошли 7 ноября напротив отеля «Beau-Rivage», где советская колония праздновала победу Великого Октября, и у типографии газеты «Voix Ouvrière» («Рабочий голос»), органа промосковской, как было принято считать, Партии труда. В Берне, где в тот же день давался прием по случаю праздника, советское посольство охраняли от возмущённой толпы подразделения швейцарской армии.

Основное требование протестующих – разрыв дипломатических и других отношений с Советским Союзом. Федеральный совет получил тогда несколько петиций на этот

счет, с более чем 10 тысячами подписей каждая. За такое решение выступили парламент кантона Цуг, партия Движение независимых (это, кстати, партия Готтлиба Дуттвайлера, основателя MIGROS), Молодые консерваторы Люцерна и т.п. Но заметим, что в этом движении не участвовала ни одна из правящих партий, а реакция Федерального совета не была столь бурной.

4 ноября, в своем заявлении, Федеральный совет разделял со всем швейцарским народом «боль» за «удар, нанесенный по независимости, свободе и праву на самоопределение народа-друга, венгерского народа...». 12 декабря, выступая перед обеими палатами Федерального собрания, Макс Петипьер подчеркивал «ошеломление, смешанное с ужасом, которое ощутил каждый швейцарец...». Федеральный совет рассмотрел вопрос разрыва отношений и, как и комиссии федерального парламента, отказался пойти на такой шаг. Петипьер заявил, что в основе внешней политики Швейцарии всегда лежал принцип «универсальности дипломатических отношений с другими государствами, каков бы ни был их политический режим...». Это необходимо для выполнения Швейцарией своей миссии как нейтрального государства, которую возможный разрыв отношений только бы ослабил. «Наконец, было бы неразумно из-за сдержанного отношения, которое вызывает политика некоего правительства, разрывать отношения со всей страной, которой оно управляет,» – заключил федеральный советник.

Чтобы показать свою «корректность и непредвзятость», а также несогласие с самыми крайними точками зрения при полном нежелании рвать отношения, Федеральный совет пошел на некоторые демонстративные шаги. Так, например, представитель Федерального совета участвовал в приеме 7 ноября в советском посольстве, проехав через толпу демонстрантов и армейский заслон. Швейцарский посол в Москве Эдуард де Галлер, в отличие от большинства западных коллег, не являвшихся на приёмы и другие протокольные мероприятия советской стороны, продолжал как ни в чем не бывало на них присутствовать.

Однако конфликт раскручивался, затронув науку и спорт. В 1957 году Швейцария отказалась приглашать советских ученых на международный конгресс по психиатрии, а советских инженеров – на конференцию по двигателям в Цюрихе. Швейцарская федерация лыж не рекомендовала советской федерации присылать зимой 1956–1957 годов спортсменов на горнолыжные соревнования. Против всех спортивных контактов с СССР выступила и Швейцарская федерация гимнастики. Несколько анекдотичным выглядел бойкот Швейцарией (вместе с Испанией и Нидерландами) Олимпийских игр в Мельбурне, которые начались 22 ноября. Пропускать мировой праздник спорта – причем не в Москве, лишь бы не встречаться с советскими представителями! Бойкот этот не помешал Советскому Союзу в Мельбурне впервые занять – и надолго – первое общекомандное место.

Под горячую швейцарскую руку попали персонажи, уж никак не замешанные в венгерское восстание 1956 года. Попали просто потому, что они были русскими или жили в России.

Так, Швейцарское общество естественных наук торжественно отказалось

участвовать в апреле 1957 года в мероприятиях в Ленинграде в связи с 250-летием со дня рождения Леонарда Эйлера, великого уроженца Базеля. Почему? А чтобы неповадно было швейцарцам ездить в Россию, пусть даже за два века до того!

Но больше всего досталось памяти Александра Васильевича Суворова. Он, конечно, в свое время усмирал восставших поляков, но перед венграми ни в чем подобном вроде бы замешан не был. Венгерский поход 1849 года русская армия совершала через полвека после кончины генералиссимуса.

В ночь с 6 на 7 ноября 1956 года поверх надписи под знаменитым Суворовским крестом в Андерматте: «Доблестным сподвижникам генералиссимуса фельдмаршала графа Суворова-Рымниковского князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году» было добавлено граффити следующего содержания: «Позор СССР, позор навсегда» [дословно: «Дважды позор»], в оригинале «PFUI USSR, ZWEIMAL PFUI». Ничего непотребного в этом выражении не было – «пфуй» в немецкоязычном мире говорят, например, малым детям, когда они лезут не туда. Кто конкретно сделал это, так и осталось неизвестным. Ясно одно, напали на нечто русское, на самую кириллическую надпись. Вандализм остается вандализмом, даже с «детскими» выражениями. Неизвестные и не подозревали, что покушались они таким образом и на швейцарскую историю, неотъемлемой частью которой стал поход Суворова.

О происшедшем стало известно в Советском Союзе. «Красная Звезда» рассказала о случившемся 29 ноября. В швейцарское посольство в Москве полетели гневные письма советской общественности. Одно из таких писем, от 1 декабря, за подписью В. Горового из Воронежа, хранится в Федеральном архиве Швейцарии. У автора и его товарищей, от имени которых он также пишет, сомнений нет: «В оскорблении светлой памяти русских воинов, памяти, которую чтит всё прогрессивное человечество, виновны швейцарские власти». При всём том, что мы знаем о пропагандистских кампаниях в Советском Союзе и умелой постановке на поток «писем трудящихся», повод к составлению письма, кем бы ни был (и существовал ли вообще) В. Горовой, был действительно справедливым.

Следуя политике Федерального совета смягчать шероховатости, из Берна последовала рекомендация властям Андерматта и кантона Ури немедленно отремонтировать памятник. Виновные, как уже упоминалось, найдены не были, за их отсутствием на очистку памятника должны были потратиться (а это 300–400 франков) коммунальные власти, которые явно были этим недовольны, так как незадолго до того, в 1952 году, они уже вложили три тысячи франков в ремонт дороги к памятнику. Однако они сообщили, что дело свое сделали. По рапорту г-на Зиммена, заместителя главы коммуны Андерматт, он немедленно предпринял меры по удалению надписи, которое задержали только начавшиеся снегопады, а после – холода. 17 декабря на место выезжал специальный представитель от Политического департамента. Он убедился, что надпись была удалена не полностью, что буквы « PF » первого слова и два последних слова целиком еще проступали. Для полного удаления надписи были подняты все местные силы. Однако Комиссия убедилась, что окончательная очистка памятника может быть проведена только весной, после того, как сойдет снег.

Прояснилось кое-что и по возможным исполнителям акции. Они, оказывается, не особенно-то и скрывали улики. Как следует из отчета начальника полиции кантона Ури Фрица Мутера, возле памятника были найдены баллончики с красной и черной краской: черной создавали фон, а красной – надпись. Такие баллончики использовались только в швейцарской армии, а военная часть располагалась по соседству. Однако начальник полиции всячески сдерживал расследование: мол, в кантоне Ури очень велико неприятие Советского Союза и его политики, вражда разлита в воздухе, и, если виновные найдутся, а тем более будут наказаны, то это плохо обернется для кантональных властей. На том дело и закрыли.

С советской стороны на все знаки недружелюбия, поступавшие из Швейцарии, вначале не было никакой официальной реакции. Лишь во второй половине декабря газета «Труд» (заметим, что не «Правда» и не «Известия», а вроде бы менее официальный орган профсоюзов) опубликовала статьи с упоминанием «пропагандистской шумихи» и «военной истерии» (!), захвативших Швейцарию. А 28 февраля 1957 года, на прощальном приеме в связи с плановым отъездом посла Э. де Галлера, заместитель министра иностранных дел СССР, известный советский дипломат В. А. Зорин указал в беседе на охлаждение советско-швейцарских отношений. Зорин высказал мнение, что оно было создано искусственно и недоумевал, почему общественное мнение Швейцарии отозвалось на венгерские события столь резко, в отличие от Англии, Франции или Западной Германии, которые при всей политической напряженности не свортывали научное, культурное и спортивное сотрудничество. Швейцарский посол отвечал, что реакция населения в Швейцарии была спонтанной, а отношения в области культуры в стране не формируются правительством, что, как подчеркивает автор докладной записки Федерального политического департамента, «произвело впечатление» на советскую сторону. Как бы то ни было, на последовавшей вскоре встрече посла с новоназначенным министром иностранных дел А. А. Громыко о проблемах уже не говорилось – все ограничилось пожеланиями того, чтобы двусторонние отношения оставались хорошими.

Эти пожелания не были пустыми. Рвать никто не хотел. Обе стороны это прекрасно понимали, и отношения, к взаимному удовлетворению, продолжались. Людские трагедии, жертвы, уличные беспорядки, вандализм, бойкоты остались за скобками.

[суворов в швейцарии](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/politique/kak-feldmarshal-suvorov-i-matematik-eyler-postradali-ot-vengerskogo-vosstaniya>